

УДК 821. 161.1. + 398.5

КАЛЕВАЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА «ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА»*

Е. И. Маркова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Дается сопоставительный анализ «Песни Солнценосца» Н. Клюева с карельскими эпическими творениями («Калевалой» и циклом фольклорных текстов на сюжет «о большом дубе»). Несмотря на отсутствие в произведении Н. Клюева прямых отсылок к названным текстам, на связь с последними указывают идея сотворения мира, доминантный образ дуба, образ певца-демиурга и др. И генетически, и типологически это родственные эпические жанры (фольклорные, литературно-фольклорные, литературные).

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэма, руна, сюжет «о большом дубе», сотворение мира, образ солнца, пуп земли, вещий певец.

E. I. Markova. KALEVALA THEMES IN NIKOLAI KLYUEV'S NARRATIVE POEM "THE SONG OF THE SUN BEARER"

The paper gives a comparative analysis of N. Klyuev's "The Song of the Sun Bearer" and Karelian epic literature ("Kalevala" and folklore texts with the "big oak" plot). Although there are no direct references to the named texts in the Klyuev's poem, the idea of The Creation, the dominant image of the oak, the figure of the demiurge singer, etc. hint at a connection to the former. Both genetically and typologically, they represent related epic genres (folklore, literary-folklore, literary).

К e y w o r d s: narrative poem, runo song, the "big oak" plot, The Creation, image of the sun, Hub of the Universe, oracular singer.

В 1918 г. в альманахе «Скифы» № 2, издаваемом одноименной группой литераторов, придерживавшихся «почвеннических» воззрений на революцию, были опубликованы стихи Н. Клюева, С. Есенина и еще мало кому известного А. Ганина. Если поэты с искренним восторгом встретили Октябрьскую революцию, то знаменитый прозаик А. Ремизов отреагировал на нее иначе, о чем говорит само название его сочинения – «Слово о гибели Русской Земли». В том же номере были поме-

щены две аналитические статьи, посвященные названным произведениям: «Поэты и революция» видного публициста и литературного критика Иванова-Разумника (Р. В. Иванова), главы объединения «Скифов», и «Песнь Солнценосца» известного поэта Андрея Белого. Оба автора видели в Николае Клюеве воистину народного поэта, познавшего не только революцию политическую и социальную, но предчувствующего «революцию национальную... революцию духовную» [Иванов-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-14-10001 «Эпические жанры в творчестве Н. А. Клюева».

Разумник, 1918. С. 1], соединяющего «пастушескую правду с магической мудростью, Запад с Востоком» [Белый, 1918. С. 10]. Под пастухами А. Белый разумел новозаветных вестников, которым открылась христианская истина: «Мир земле и человекам благоволение». Ключеву же ведомо новое знание: на смену богочеловеку Христу идут «народы-Христы».

«Песнь Солнценосца» Ключева не раз публиковалась в России, в 1920 году издана в Берлине на русском языке [Ключев, 1920], позднее была переведена на немецкий язык с пояснениями переводчиков, рассматривающих поэму сквозь призму античной мифологии (миф об Аргонавтах) [Субботин, 2013. С. 152–162].

Однако сегодня произведение, вызвавшее столь сильную ответную реакцию у современников, не является популярным ни в читательской, ни в исследовательской среде. Дело не только в переоценке результатов Октябрьской революции, но и в сложности самого текста. То, что понятно Иванову-Разумнику и А. Белому, блестяще образованным представителям «петербургской» культуры Серебряного века, далеко не всегда ясно нашему современнику.

На евангельский контекст произведения указал, правда, не входя в подробности, А. Белый; наша задача – выявить «калевальский».

Напомним, что за два года до революции, в 1915 г., вышло второе издание «Калевалы» в переводе Л. Бельского, которое не могло не отозваться в художественном сознании Серебряного века, грезившем о создании «всемирного мифа», синтезирующего великие мировые идеи и образы, в том числе и коммунистическую утопию, воплощенную еще в 1623 г. в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы.

Н. Ключев (и не он один) призывал увидеть в свершившейся революции сбывшуюся надежду человечества, потому-то в его поэме люди Земли являют собой «рать солнценосцев», ведомую поэтами: глашатаем новых истин («alter ego» Ключева) и певцом извечной правды (Садко).

Поскольку прямых параллелей с «Калевалой» в «Песни...» нет, как нет в ней ни явных, ни скрытых цитат из эпической поэмы Эл. Лённрота, объясним методику анализа текста. В наших предыдущих исследованиях было доказано, что Ключев чем дальше, тем больше осмыслял совокупность своих текстов как единую Столикую Книгу – эпос XX века, жанровым ориентиром которой стала «Калевала». В произведениях, помеченных знаками финно-угорской культуры, ее влияние особенно ощутимо, что позволило нам в едином ключевском тексте вычленив «Калевальский извод» [Маркова,

1997. С. 192–207] и доказать почти полное его тождество с великим образцом: начинаются обе книги с образа родящей девы; центральным событием является сватовство и состоявшийся или несостоявшийся брак, в финале произведений сообщается о рождении божественного младенца. В обеих книгах чрезвычайно значим образ вещего певца и его слова [Маркова, 2010. С. 100–108].

В контексте «Калевальского извода» неощутимые на первый взгляд реминисценции с поэмой Эл. Лённрота (ибо работают на уровне жанрового архетипа) становятся очевидными.

Да, в этом ключевском тексте всего один финно-угорский знак (топоним Белая Меря), но суть не в количестве, а в идее – в воспевании заново рождающегося мира, а «Калевала», как известно, начинается с сотворения мира. Этот мотив характерен для Столикой Книги Ключева в целом, для «Песни Солнценосца» – в частности. Работая над своим творением, Эл. Лённрот суммировал бытующие в карельских эпических песнях сюжеты о мироздании: «о возникновении Вселенной из яйца»; «составлении певцов»; «о большом дубе» [Кундозерова, 2013. С. 8].

Все три сюжета нашли отражение в творчестве Н. Ключева. Если о первом упоминается в работах исследователей вскользь [Полякова, 1986. С. 217], то второй – воплощен в полемике Николая Ключева и Сергея Есенина [Маркова, 2008].

К калевальскому образу «большого дуба», как формообразующему мирозданию, отсылает аналогичный образ в «Песни Солнценосца». Сразу поясним, что образ дуба в обоих произведениях означает не дерево из рода буковых, а Мировое древо – один из обязательных образов-символов в мифологической картине мира почти всех народов.

Каждое отдельное звено сюжета, попадая в художественную систему Н. Ключева, может соотноситься с аналогичным звеном, входящим в эпос русского или другого народа, но, повторяем, в своей сумме, самом сочетании элементов этот ключевский сюжет соотносим с калевальским и с народными песнями калевальской метрики (карельскими эпическими песнями-рунами), ставшими благодаря исследовательским и поэтическим усилиям Элиаса Лённрота фундаментом великого эпоса финнов и карелов.

Хотя современниками Ключева «Калевала» воспринималась как национальное достояние финнов (в подзаголовке значилось: «финские народные песни»), он, уроженец Олонецкой губернии, безусловно, знал, в каких землях работал Эл. Лённрот. Слышал ли сам он руны или пола-

гался на свое «ретроспективное» (В. Г. Базанов) мышление? Как знаток фольклора, он не мог их не слышать, как и не мог не доверять своим интуитивным художественным прозрениям.

Возвращаясь к его «Песни...», укажем, что в ней, как и в «Калевале», дуб обязан своим рождением огню. Как говорится в руне второй, он, невзирая на старания сеятеля деревьев Сампсы Пеллервойнена, не мог взойти, пока на помощь не пришел богатырь из волн морских Турсас.

Запалил огнем он сено,
Ярко сено запылало,
Все осыпалось золою,
Потянулось тучей дыма.
Вот зола застыла кучей,
Пепел лег сухой горою;
В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.
Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной
Дуб развесистый, огромный...

[Калевала. С. 44]

Клюев, естественно, не ступает след в след за предшественником, а трансформирует образ и сюжет. В его тексте опускается процесс рождения дерева, констатируется только его огненная природа.

Три огненных дуба на пупе земном.
От них мы три желудя-солнца возьмем...
[Клюев, 1999. С. 363]

В клюевском тексте само дерево порождает солнце – огонь. В «Калевале» же образ дуба только соотношен с солнцем. Поскольку это Мировое древо (мировая вертикаль), то корни своими оно уходит в земную толщу, а верхушка его достигает небес.

До небес вершину поднял,
Высоко он вскинул ветви:
Облакам бежать мешает.
Не дает проходу тучам,
Закрывает в небе солнце,
Заслоняет месяц ясный
[Калевала. С. 44]

В «Песни...» дуб не только не заслоняет солнце, а, напротив, дарует его миру, что позволяет осветить все небесное, земное и водное пространство.

Лазоревым – облачный хворост спалим,
Павлиньим – грядущего даль озарим,

А красное солнце – миллионами рук
Подыдем над миром печали и мук.

Пылающий кит взбороздит океан.
Звонарь преисподней ударил в Монблан...
[Песнь. С. 363].

Здесь стихия огня символизирует как пожар революции, так и очистительный огонь Апокалипсиса, о чем свидетельствует сама цветовая гамма: красный цвет – цвет революции, павлиний – проецируется на образы павлинов, характерных для византийской иконы, где они символизировали жизнь вечную [Барская, 1993. С. 53]. Лазоревый – воскрешает образ чудесного цветка русской сказки, что таится в подтексте произведения, подвигая автора на самые причудливые контаминации элементов.

У Клюева, согласно фольклорному закону троичности, дуб и солнце утраиваются, что в принципе для данного сюжета избыточно, ибо обе субстанции и так обладают мощным потенциалом. Но утроение вполне соответствует евангельскому уровню произведения, отсылая читателей к «Троице» А. Рублева, где под сенью древа предстала воплотившаяся Троица с нимбами-солнцами вокруг голов и тремя небесными храмами (духовными солнцами) над ними.

Мотив трех солнц Клюев уже обыгрывал где-то в 1914–1916 гг. (дата точно не установлена) в стихотворении «Ель мне подала лапу, береза – серьгу», где он воссоздал картину небесного рая.

Там, под Дубом Покоя, накрыты столы.
Пиво Жизни в сулеях, и гости светлы –
Три пришельца, три солнца...
[Клюев, 1999. С. 253].

В «Песни...» люди уподоблены творцу, они даруют миру новое небо, новую землю, ибо огонь революции, согласно убеждениям поэта тех лет, стал очистительным пламенем, порождающим новую жизнь.

Произрастающие на деревьях желуди-солнца соотносятся с небесными светилами в «Калевале», расположившимися благодаря магическому песнопению вещего певца Вяйнямёйнена на «златой елке» (руна десятая).

Он поет и заклиняет,
И восходит светлый месяц
На златой верхушке ели
И Медведица на ветках
[Калевала. С. 93]

Но власть Вяйнямёйнена над обитателями небес временная, мнимая, у возрожденного человечества она постоянна. Его храмом становится сама природа.

На каменный зык отзовутся миры,
И демоны выйдут из адской норы,

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.

О демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!
[Песнь. С. 363–364]

Идея христианской любви, которая должна стать основой нового мира, освещает это символическое причастие людей и враждебных им сил – демонов. Мир должен быть един и, как три дуба, стоять на следующих основах:

Из пупа Вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...
[С. 364]

Идея любви, принцип троичности также отсылают нас к творению карельского народа, но не к его литературно-фольклорному памятнику, а к фольклорным песням на этот сюжет, к тем вариантам, где большой дуб посадили девушки-невесты, положив вместе с желудем в пепел не просто «нежный листик», а «любовный листик», «листок любви дубовый» [Карело-финский народный эпос, 1994. С. 67, 72].

Было здесь четыре девы,
Было целых три невесты,
Что нашли любовный листик,
Отнесли его на поле,
На возвышенность поляны
[Эпос, 12. II, 67]

Здесь число «три» связано с количеством невест. Возращенный ими «дуб красивый» также заслонял небо, «Солнцу не давал светить он» [Эпос, 12. IX, 72], что отнюдь не волнует девиц.

И рассеялись все тучки.
Капли длинные в тех тучках,
В каплях тех блестят озера,
Красные плывут там лодки,
В лодках – молодые парни,
Неженатые те парни,
Тянут красную веревку,
Трос железный укрепляют,
Чтобы обуздилось море
У залива Кандалакши,
Чтобы усмирилось море,
Кандалакша красовалась,
В Виэно девушек увозят –
Продавать домашних куриц.
[Эпос, 12. II, 67]

Сюжет о «большом дубе» здесь сопряжен со свадебным: небесные женихи-охотники «продают» – берут замуж невест-курочек. Обращает на себя внимание соотношенный с образами парней красный цвет. В фольклоре эпитет «красный» стоит в одном ряду с эпитетом «золотой» (ср.: «красно солнышко», «злато солнышко»). Говоря на языке Клюева, женихи – это солнценосцы. Только в древних рунах речь идет о создании солнценосцами новой семьи, а у Клюева – о создании семьи народов:

Мы – рать солнценосцев на пупе земном –
Воздвигнем столбашенный, пламенный дом...
[Песнь. С. 364]

Но это не значит, что образа жениха в «Песни...» нет – в роли символического жениха здесь выступает гуслир Садко. Его песня открывает вторую часть произведения, в финальных строках которой герой идентифицирует себя так:

Я – песноводный жених,
Русский яровчатый стих
[С. 366]

Во второй руне «Калевалы», с которой сопоставляется клюевская «Песнь...», свадебный мотив отсутствует, но есть намек на него. Когда «малютка-великан» срубил дуб (освободил солнце из заточения), то его части разобрали люди и использовали их в качестве чудесных предметов:

Если кто там поднял ветку,
Тот нашел навеки счастье;
Кто принес к себе верхушку,
Стал навеки чародеем;
Кто себе там срезал листьев,
Взял для сердца он отраду.
[Калевала. С. 45]

Попутно заметим, что свадебный сюжет – один из важнейших в «Калевале», и ранее упоминаемая «злая елка» с небесными светилами необходима Вайнямёйнену для того, чтобы заманить Илмаринена в качестве своего свата.

Возвращаясь к первой строке «Песни...», укажем на локус, где стоят огненные дубы: «...на пупе земном». Значимость этого места подчеркнута повторами: «на пупе земном»; «Из пупа Вселенной».

В мифологической картине мира пуп земли есть центр Вселенной, поэтому выбор места в клюевском тексте понятен. Хотя «Калевала» не дает столь точной конкретизации расположения своего Мирового древа, оно, судя по отдельным вариантам народных рун, произрастает именно там: на пупе земном или вырастает из пупа морского (что симметричен первому) [Кундозерова, 2013. С. 20].

Известны ли были Клюеву эти варианты или в его памяти вспыхнули образы из других песен, сказать трудно. В стихе о «Голубиной книге» и в русских заговорах, которые, безусловно, он знал, пупом земли является камень алатырь (латырь) – «всем камням отец». Расположен он в центре мира, посреди океана, на острове Буяне. Понятно, что в сакральной точке Вселенной стоит Мировое древо [Мифологический словарь..., 1991. С. 28]. Подобная локализация характерна и для «Калевалы», и для «Песни...» В первом произведении в функции камня выступает остров, океана – море; во втором – эту пару символизируют «Пылающий кит» и океан. Священный камень здесь также присутствует, выполняя функции колокола во всемирном хра-

ме. Это Монблан – самая высокая вершина в Западной Европе. Конечно, Альпы не омываются ни Атлантическим и никаким другим океаном, но у героя Клюева своя география – мифопоэтическая.

Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг.

Чтоб Бездну с Zenитом в одно сочетать.
Им Бог – восприемник, Россия же – мать.
[Песнь. С. 364]

Тот же принцип фольклорного стяжения пространства повторяется и в песне Садко:

Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябная ширь.
[С. 365]

Меря или белая меря – это этноним, данный финно-угорскому племени, возникшему в первом тысячелетии н. э. в Волго-Окском междуречье и слившемуся на рубеже I–II тысячелетия с восточнославянскими племенами. Как видим, Клюев смело превращает этноним в топоним, хранящий память о древнем финно-угорском племени, и наделяет означенное место статусом западного рубежа России. (Останавливаем на этом факте внимание, потому что, напомним, это – единственная прямая отсылка к финно-угорскому подтексту поэмы.)

Роднит клюевскую поэму с «Калевалой» образ вещего певца, культурного героя-демиурга. И словом, и делом своим Вяйнямйнен создает мир. В руне второй это показано благодаря контаминации фольклорных сюжетов: «о большом дубе» и «о подсеке Калевы». Чтобы засеять землю, было необходимо вырубить часть леса. После чего вещий певец обращается к Матери-Земле:

О ты, старлица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покров из пережня!
.....
Ты вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
[Калевала. С. 46].

По слову вековечного старца расцветает, плодоносит земля. У Клюева певец пытается напитать всеми дарами природы и рукотворной культуры свой стих:

О молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак.

В ваш яростный ум, в многострунный язык
Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник.
[Песнь. С. 364]

Как в пространстве нового мира происходит стяжение географических центров, так происходит и взаимопроникновение культур:

Верстак – Назарет, наковальня – Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ.
[С. 364]

Если Назарет связан с именем Христа, то Немврод – имя ветхозаветного богатыря-идолопоклонника, которому человечество обязано строительством Вавилона и его столпотворением. Однако Ветхий и Новый Завет образуют единую книгу – Библию. В новом мире нельзя без новых песен, нельзя и без старых, пуповиной своей связанных с крестьянской культурой:

«Вставай, подымайся» и «Зелен мой сад» –
В кровавом окопе и в поле звучат...
[С. 364]

В «Калевале» звучит не только слово вещего певца. Он сознательно не срубил в поле одну березу, чтобы на ней куковала кукушка:

Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной!
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!
[Калевала. С. 46]

Образ поющего поля есть и в «Песни...» Клюева.

Три желудя-солнца достались нам –
Засевный подарок взалкавшим полям:
Свобода и Равенство, Братства венец –
Живительный выгон для ярых сердец.
[Песнь. С. 364–365]

Здесь и «Прозрения телицы», и «кони стихов», и «струнные луга», здесь появляется поэт-первопредок гуслиар Садко. Его задача – подарить новорожденному миру и его новому певцу древнюю песнь России.

Пустите Бояна – рублевскую Русь,
Я тайной умоюсь, а песней утрусь...
[С. 365]

То, что выбор падает на Садко, понятно: он позиционирован в былинах прежде всего как певец-гуслиар. В «калевальском» контексте произведения значима его «водная» характеристика, сближающая гуслиара с Вяйнямйненом. Вещий певец не только зачат в море и в нем родился, но и по рождении «Пролежал пять лет он в море, В нем пять лет и шесть качался, И еще семь лет и восемь» [Калевала. С. 41].

Садко тоже называет себя «песноводным женихом». В поэме не уточняется, но читатель помнит, что в былинах он стал жертвой кораблекрушения и оказался в плену морского царя.

Думали – злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же – в избе и в хлеву,
Ткал золотую молву,
Сирин мне вести носил
С плах и бескрестных могил
[Песнь. С. 365]

Для Клюева подводное пространство – это не только царство водяного, но и потаенный на дне озера Светлояра православный град Китеж, поэтому во многих его произведениях появляются вестники из моря-океана.

Садко у него не только русский, а общероссийский певец: «Чмок городов и племен В лике моем воплощен» [Песнь. С. 366]. В фольклорно-мифологических текстах герой либо изначально стар, как мудрый Вяйнямёйнен, либо вечно молод, как красавец Садко. Ему и уготована роль жениха, готового сочетаться с новорожденной Вселенной, на лике которой – «чмок» мировых культур, в том числе и творений карелов и финнов.

Программное стихотворение Клюева первых революционных дней о жизни народов, исполненной мудрости, любви и труда, сегодняшней читатель отнесет к числу утопических проектов. Но не будь таких утопий – мир бы давно погряз во зле. Светлые порывы нет-нет и прорастают в добрых сердцах и глубоких умах.

Несмотря на отсутствие прямых цитат и конкретных образов из «Калевалы», мы доказали генетическую и типологическую связь клюевского творения с памятником финского и карельского народов.

Если вести речь о месте «Песни Солнца» в творчестве Н. Клюева, то как «Товарищ» (опубликован в том же номере альманаха «Скифы») С. Есенина открывает цикл его «маленьких» библейских поэм, так и «Песнь Солнца» (по концентрации содержания, субстанциональному единству коллектива и индивида произведение относится именно к этому жанру) возглавляет цикл его «маленьких» поэм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Маркова Елена Ивановна

зав. сектором литературы и фольклора, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: illh@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Литература

Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993. 224 с.

Белый А. Песнь Солнца // Скифы: Альманах. 1918. Вып. II. С. 8–10.

Иванов-Разумник. Поэты и революция // Скифы: Альманах. 1918. Вып. II. С. 1–7.

Калевала. Карело-финский народный эпос / Собр. и обраб. Э. Лённрот; пер. А. П. Бельского. Петрозаводск: Карелия, 1985. 381 с.

Карело-финский народный эпос. М.: Восточная литература, 1994. Кн. 2. 511 с. (в тексте – Эпос, № руны, № страницы).

Клюев Н. Песнь Солнца. Земля и железо. Берлин: Скифы, 1920. N. Klüeff. Der Getsang des sonnenträgers erd und eisen Berlin: Verlag «Skythen». 20 с. 1920.

Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова, сост., подгот. текста и коммент. В. П. Гарнина. СПб: РХГИ, 1999. 1072 с. (в тексте – Песнь, цит. по этому изданию).

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 22 с.

Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1997. 315 с.

Маркова Е. И. Полемика Николая Клюева и Сергея Есенина в свете калевальского сюжета о состязании певцов // Есенин и мировая культура. М.; Константиново; Рязань, 2008. С. 245–253.

Маркова Е. И. «Калевала» как жанр-ориентир в творчестве Николая Клюева // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 100–108.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.

Полякова С. В. О внешнем и внутреннем портрете Н. Клюева (К вопросу об архетипичности поэтического языка) / Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сб. 7. Тарту 1986. С. 150–161.

Субботин С. И. «Песнь Солнца» Николая Клюева в переводах на немецкий язык (1920-е годы) // Есенинск. вестн. Рязань: изд-во Гос. музея-заповедника С. А. Есенина. 2013. Вып. 3 (8). С. 152–162.

Markova, Elena

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: illh@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 781886